

Секция «Юриспруденция»

Возможен ли поворот к худшему в суде I инстанции?

Миленина Анна Владимировна

Студент

*Юго-Западный государственный университет, Юридический факультет, Курск,
Россия*

E-mail: lanny08@mail.ru

Решения Конституционного Суда РФ во многом определяют направления развития уголовно-процессуального законодательства, однако не всегда они отличаются стабильностью изложенных в них правовых позиций. Так, в отличие от Постановления от 20 апреля 1999 г. №7-П, своим Постановлением от 2.07.2013 г. № 16-П, Конституционный Суд РФ признал неконституционными положения УПК РФ, исключающие возможность в судебном разбирательстве поворота обвинения к худшему, когда суд приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении (акте или постановлении) свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в суде выяснились факты, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого.

Однако особенно выбивается из существующего порядка российского уголовного судопроизводства предоставленная данным Постановлением возможность переходить на более тяжкое обвинение по инициативе суда, что, по нашему мнению, противоречит принципу состязательности. Так, в Постановлении 1999 г. указано, что суд, иницируя продолжение деятельности по обоснованию обвинения, выполняет функцию обвинения. Если же суд по своей инициативе сможет осуществить поворот к худшему, т.е. по сути – сформулировать обвинение, то принцип состязательности будет явно нарушен, о чём говорит в своём особом мнении к Постановлению 2013 г. судья Конституционного Суда С.М. Казанцев. Не стоит забывать, что состязательность уголовного процесса – это непосредственное продолжение принципа разделения властей, в рамках которого и отделены обвинение как прерогатива исполнительной (следственно-прокурорской) власти от юстиции как исключительной компетенции власти судебной. Данное обстоятельство учтено и законодателем при повороте к худшему в апелляции: он может быть осуществлён не иначе, как по инициативе обвинения. Кроме того, если Конституционный Суд по-прежнему не считает, что отказ прокурора от поддержания обвинения, обязательный для суда, ограничивает независимость суда, когда последний, к примеру, считает, что обвинение полностью подтвердилось в судебном заседании, то нам не понятно, почему Конституционный Суд считает таким ограничением невозможность суда выйти за пределы обвинения. Считаем, что во всех этих случаях мнение стороны обвинения является определяющим, недаром обвинение в процессуальной теории называется «двигателем» уголовного процесса.

Процедура же перехода на более тяжкое обвинение в суде представляется несовместимой с существующим порядком. Удивительно, но Конституционный Суд вообще упустил этот принципиальный вопрос из своего внимания. Вместе с тем, В.В. Кальницкий и Т.В. Куряхова рассматривают два возможных механизма реализации положений данного Постановления[2]. Во-первых, когда квалификация в обвинительном постановлении не соответствует обозначенным в нём фактическим обстоятельствам дела, по мнению

указанных авторов, суд направит дело прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, с одним лишь отличием от ранее существовавшего порядка – обвинение будет изменено на более тяжкое. При этом прокурор направит уголовное дело следователю, который предъявит новое обвинение с учётом ухудшения, допросит обвиняемого, и, при необходимости, проведёт следственные действия. Ещё более странным выглядит предложение авторов в случае несогласия органа расследования с необходимостью поворота к худшему изменять в обвинительном заключении фактическую часть обвинения. Обстоятельства либо установлены, либо нет, предлагать же их «подстраивать» под имеющуюся квалификацию – значит либо скрывать имеющиеся факты, либо устанавливать новые. Думаем, здесь присутствуют все признаки возвращения дела для дополнительного расследования, реставрация которого в уголовном процессе современной России *de facto* признано почти всеми учеными, а *de jure* почти всеми же отрицается. Кроме того, суд, возвращая дело прокурору, по логике судей Конституционного Суда должен неким образом «намякнуть» стороне обвинения, что сделать. А заодно и тому суду, которому предстоит вновь рассматривать дело по существу, в соответствии, кстати, со своим собственным независимым внутренним убеждением. Даже теоретическая модель отношений суда и обвинения, чьи функции в силу ст. 10 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ и ст. 15 УПК РФ не могут быть соединены в одних руках, предполагающая, по мнению Конституционного Суда, властно-императивный характер одного по отношению к другому, выглядит сомнительным как с процессуальной, так и конституционной точки зрения.

Во-вторых, когда в ходе судебного заседания выяснятся обстоятельства, которых в силу некачественной работы органов расследования нет в материалах дела, указанные авторы предлагают либо вернуть дело прокурору, либо самому принять решение по данному вопросу, при этом судья должен перед уходом в совещательную комнату объявить об усилении обвинения, при этом, не допуская «выражений, свидетельствующих об окончательности его вывода о совершении лицом конкретного преступления». В данном случае налицо проявление возложения на суд функции обвинения, предреши́нности вопроса о виновности лица, нарушение права подсудимого на защиту, что, естественно, несвойственно для судопроизводства демократического государства.

С учётом всего этого, считаем, что Конституционный Суд неоправданно расширил основания для поворота к худшему в суде. По нашему убеждению, он может быть осуществлён, но лишь когда в суде выяснятся обстоятельства, влияющие на квалификацию деяния, не существовавшие на период предварительного расследования, как это предусмотрено в п. 1 ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ. Однако и здесь нельзя забывать о принципах уголовного процесса, в связи с чем инициатива такого перехода должна исходить исключительно от государственного обвинителя, а подсудимому должно быть предоставлено право подготовиться к защите от нового обвинения. Кроме того, считаем, что к условиям изменения обвинения к худшему должны относиться: 1) поворот к худшему возможен только по итогам судебного следствия; 2) он должен быть основан на исследованных в суде доказательствах; 3) мотивированность прокурором невозможности предъявления подсудимому такого обвинения на стадии предварительного расследования и др. [1].

Таким образом, считаем Постановление Конституционного Суда РФ от 2.07.2013 г. противоречивым и непоследовательным, т.к. оно предоставляет возможность для злоупотреблений со стороны органов предварительного расследования, качество работы которых вряд ли улучшится, если суд сможет исправлять их ошибки.

Литература

1. Козявин А.А. Основы теории социального назначения и функций уголовного процесса: Учебное пособие. Курск, 2013. С. 126-127.
2. Кальницкий В.В., Куряхова Т.В. Существо и порядок реализации позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о возвращении дела прокурору для усиления обвинения. <http://www.iaaj.net/node/1409>.